

Отзыв
официального оппонента

о диссертации Строкова Алексея Александровича «ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры»

Реакция на пандемию сделала цифровизацию основной темой образовательной повестки. Диссертация защищается «по-горячему», когда ещё свежи оценки и наблюдения. Вместе с тем, автор ведёт тенденцию ещё от Болонского процесса европеизации российского образования. В связи с этим актуальность темы двойка – это и реагирование на кризис и одновременно последовательная программа информационного общества.

Строков А.А. во введении (с. 3-19):

– обращает внимание на глобальность и необратимость процессов в национальном образовании (с. 3);

– проблематизирует укомплектованность кадрами, обладающими необходимыми технологическими компетенциями (с. 3);

– акцентирует конъюнктурный характер ускоренного обновления образования, когда «политические проекты модернизации не опираются на научную проработку сущности предлагаемых новаций, их социальных последствий» (с. 4);

– обозначает основную проблему диссертации – двойственный характер цифровизации, реализуемой как прогресс и как размывание национального и индивидуального (с. 5);

– концептуализирует инновации как «творческое разрушение» (с. 5);

– ведёт диалог с первыми алармистами технологического уклада (Н.А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Э. Тоффлер, Г. Маркузе, Н. Луман); осуществляет широкий обзор литературы по теме, привлекая большой круг современных западных теоретиков и акторов цифровизации (К. Шваб, Дж. Коэн, Э. Шмидт, Дж. Каплан, Р. Барглоу, Д. Тапскотт, Н. Негропonte, А. Коллинз, Р. Халверсон и др.); характеризует отечественных теоретиков цифровизации (В.С. Степин, В.А. Кутырев, Г.Л. Тульчинский, Б.Г. Юдин, А.Н. Фортунатов, А.М. Дорожкин) (с. 5–10);

– чётко формулирует цель исследования, сталкивая цифровизацию и ценностно-смысловой мир (с. 10);

– ставит задачи, коррелирующие параграфам диссертации (с. 11);

– неформально описывает методологию исследования, подробно останавливаясь на аксиологическом подходе (с. 11);

– обобщает признаки цифровой культуры в положении, выносимом на защиту (с. 13);

– подаёт голос за гуманитарную экспертизу как необходимый этап формирования цифровой культуры (с. 14);

– фиксирует противоречия в развитии цифровой культуры и отечественной образовательной культуры (с. 15).

– обосновывает теоретическую значимость через аксиологию, эволюционное развитие культуры и определение векторов гуманитарной экспертизы (с. 16);

– утверждает практическую значимость работы в виде оказания содействия в создании экспертного сообщества по проблемам цифровизации образования (с. 17).

Первая глава **«Цифровая культура и цифровизация образования»** (с. 20–62) обращена на вопросы сущности и существования цифрового модуса культуры.

Параграф 1.1. *«Цифровая культура как характеристика современности»* (с. 20–36):

– определяет культуру как совокупность духовных скреп, порождающих когерентное взаимодействие людей (с. 20-21);

– актуализирует феноменологическое понятие «жизненный мир», открывая его функционал для цифровой культуры (с. 22);

– связывает концепты «общество знаний» и «цифровизация» (с. 22);

– фиксирует неблагоприятный исход исключения преподавателей из цифровой образовательной среды (с. 24);

– осуществляет обзор теоретических подходов к становлению технического уклада в целом и цифровизации в частности, выделяя отечественный гуманистический подход к культуре (с. 23-38).

В параграфе 1.2. *«Основные направления цифровизации образования»* (с. 38–63):

– рассматриваются особенности цифровизации образовательной среды (с. 38);

– фиксируется разнообразие оценок цифровизации в российском обществе (с. 39-42);

– сопоставляются категории «цифровизация» и «цифровая грамотность» (с. 44);

– осуществляется анализ законодательства и комментариев к законодательству в области политики цифровизации (с. 44-55);

– концептуализируется статус Digital Humanities (с. 57-58);

– ставится проблема видимости, открытости, прозрачности социальных процессов (с. 59);

– рассматривается тема имитационности деятельности с помощью наукометрических показателей, когда цифровизация способствует накачке индикаторов, созданию иллюзорного статуса (с. 59);

– проблематизируется вопрос о качестве цифрового образовательно-развлекательного контента (с. 60-62).

Параграф 1.3. *«Теоретико-методологические основания гуманитарной экспертизы цифровых реформ отечественного образования»* (с. 64–81):

– обсуждает риски цифровизации (с. 60-69);

– дискриминирует между техникой и обезличенным модусом раба техники (с. 69);

– развивает тему ограниченного использования техники без увлечения технократическими проектами (с. 70-74);

– поднимает вопрос о роли педагога в цифровом обществе (с. 74-81).

Вторая глава **«Ценности российского образования в цифровом пространстве современной культуры»** (с. 82–138) посвящена аксиологическим поискам современной цифровой реальности.

В параграфе 2.1. *«Гуманизм в цифровой культуре»* (с. 82–102):

– проблематизируются термины «нецифровая», «прецифровая», «цифровизация» (с. 83),

– осуществляется реабилитация человеческого фактора в образовательном процессе (с. 84-91);

– устанавливается мера между оппозициями – «цифровым оптимизмом» и «гуманитарным пессимизмом» (с. 92-94);

– рассматривается проблема «цифровой бедности», образовательного неравенства, потребления низкокачественного и опасного цифрового контента (с. 95-100);

– фиксируются потребительские угрозы, технические и коммуникационные риски принуждения к дистанту во время пандемии (с. 102).

Параграф 2.2. *«Национально-культурная идентичность и патриотизм в условиях цифровизации образования»* (с. 103–119):

– вскрывает противоречия информационно-планетарного и национального (с. 103);

– указывает на новые возможности сохранения национальной памяти через цифровизацию (с. 105);

– анализирует угрозы цифрового космополитизма, экранной идентификации, культурной маргинализации (с. 106-111);

– предупреждает о активном внедрении в обществе манипуляции, цифрового тоталитаризма как форм деперсонифицированного управления (с. 112-120).

Параграф 2.3. *«Развитие интеллекта и творческих способностей в цифровой образовательной среде»* (с. 120–138):

– сталкивает потребительские и когнитивные возможности интернета (с.121-126);

– фиксирует проблему «цифрового слабоумия» «человека кликающего» и деволуции эмоционального интеллекта в информационном технологическом укладе (с. 127-137).

Заключение (с. 139-144) носит диалектический, взвешенный характер, содержит практические выводы о неизбежности модернизации и необходимости гуманитарной экспертизы. Автор справедливо указывает, что невозможно одновременно быть информационным и традиционным без должной подготовки к принятию разнородных контекстов.

Библиографический список содержит 211 единиц по теме диссертации, из них 15 – на иностранных языках.

Замечания по диссертации.

1. Среди положений, выносимых на защиту, слабым я считаю деонтическую пропозицию «Необходимыми видятся не только преобразования образовательного процесса для применения в нем цифровых технологий, но и преобразования цифровых технологий для их адекватного использования в образовательном процессе» (с. 14). Это своеобразная иллюстрация юмовской вилки, когда из «что» не следует «как». В этой же области находится риторика автора о «неорганическом» характере цифровых процессов. Наивно считать, что мы можем управлять этим процессом через «ценностную переориентацию». Цифровизация – это технологический хэппенинг. Можно начислять бонусы за поддержку национальной социальной сети, как этой делает Китай. Или цензурировать контент, как это делает Ютуб. Однако рассуждения о том, что цифровизацию нужно «сделать системной», «объединить ценностно-смысловым началом» лишь дополняют список общих мест диссертаций, страдающих слабым переходом от абстрактного к конкретному.

2. Автор выделяет Россию как страну «неорганической цифровой модернизации образования», но не приводит в пример страны «органической цифровой модернизации образования».

3. Говоря о приоритетах гармонизации национальных особенностей культуры и специфики мировых техно-научных процессов, Строков А.А. обращается к российским мыслителям в параграфе 1.1. (с. 35-38). На с. 83-86 автор снова возвращается к гуманитарному стержню российской философской мысли, что выглядит как неструктурированность, плеоназм, повтор.

Отмечу и сильные стороны диссертации.

1. Полагаю, что автор верно поместил цифровизацию образования в контекст старых диалогов «Восток – Запад», «модернизация образования», «размывание национальной идентичности». Это позволило осуществить рифрейминг самой информатизации, наполнить её гуманитарными смыслами, а также взглянуть под другим углом на вечные темы «единичного», «особенного» и «всеобщего».

2. Диссертация лишена «местячковости». Говоря о цифровой культуре, автор сам является актором цифровизации, свободно переходящим от отечественных платформ индексации научной литературы (elibrary.ru, rsl.ru), к зарубежным (<https://www.researchgate.net>, scholar.google.com). Эта свобода коммуникации и является преимуществом как цифровизации, так и, фрактально, работы о цифровизации.

3. Описание признаков информационной деменции поколения Z делает параграф 2.3. самым сильным и практичным, т.к. индикаторы этого развития информационных Питер Пэнов преподаватели и родители могут наблюдать ежедневно. Позднее взросление требует корректив в понятие дееспособности и концепцию совершеннолетия. Учитывая, что

эмоциональная незрелость может стать одной из причин неготовности к службе в армии, как это видно из массового убийства сослуживцев Рамилем Шамсутдиновым 25 октября 2019 года, полагаю, что эмоциональная незрелость цифрового поколения – это ещё один из аргументов для полностью контрактной армии, либо отсрочивания призыва до 25 лет. Или же, как альтернатива, допуска к службе с оружием и права на приобретение оружия с 25 лет.

Диссертация Строкова Алексея Александровича «Цифровая культура и ценности российского образования», представленная на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры, отвечает всем критериям, указанным в параграфе II «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного в новой редакции Постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирского юридического института ФСИН России
Тимощук Алексей Станиславович

«06» апреля 2021 года

Контактные данные:

тел.: 8-920-901-78-80, e-mail: a@timos.elcom.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
24.00.01 – теория и история культуры

Адрес места работы:

600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67-е.
Владимирский юридический институт ФСИН России (ВЮИ ФСИН России)
Тел.: 8(4922)45-44-75, e-mail: human@vui.vladinfo.ru

Подпись Тимощука А.С. удостоверяю:

*Начальник секретариата ВЮИ ФСИН России
И.О. Свистов 04.04.2021*

